

Тайны потерянного созерцателя иной

Владислав Лисовский

книга 1

18+

Владислав Лисовский

**Тайны потерянного
созерцателя. Книга 1. ИНОЙ**

«Автор»

2026

Лисовский В. И.

Тайны потерянного созерцателя. Книга 1. ИНОЙ /
В. И. Лисовский — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь задумывались о том, что нас ждет после окончания земной жизни? Есть ли там, за ее горизонтом, что-то, к чему стоит стремиться и быть готовым? Жизнь после смерти – что это? Ответ есть, и он в нашей реальности, в становлении души и росте сознания. Вера в существование иного мира, в который мы переходим после смерти, придает смысл всему происходящему здесь и сейчас. Земная жизнь – это основа будущей другой жизни, и она зависит от того, с каким духовным багажом мы приходим к ней. Именно поэтому через реальные и мистические события автор раскрывает в романе вечные вопросы о противостоянии добра и зла, любви и ненависти, справедливости и предательства. В поисках истины герой проходит трудный путь, полный ошибок, противоречий, сомнений, и на своем примере приводит нас к пониманию смысла жизни. Пережитые испытания делают его только сильнее, укрепляя силу духа и веру в себя. Но какова же конечная точка нашего бытия – рай, ад или?..

© Лисовский В. И., 2026

© Автор, 2026

Владислав Лисовский

Тайны потерянного созерцателя. Книга 1. ИНОЙ

Владислав Лисовский

**Тайны потерянного созерцателя
(Новая редакция)
Книга первая**

Иной

Пролог

С момента появления на свет и в течение всей последующей жизни мы постепенно открываем для себя многообразие ее сторон и начинаем все более осознанно смотреть на окружающий мир. Путешествие длиною в жизнь – это не просто созерцание. Это постоянное изучение реальности жизненного пространства и поиск своего места в нем.

С годами мы все чаще задаем себе одни и те же вопросы: кто мы на самом деле? Кто наделил нас плотью, душой и сознанием? Есть ли что-то там, за горизонтом нашего понимания, к чему стоит стремиться? И как правильно строить свою жизнь, которая здесь, в этом реальном и в нашем представлении живом мире, не вечна.

Невежество, непонимание смысла своей жизни, собственного предназначения порождают страх и уныние. Мы перестаем замечать, что мир, в котором мы живем, разнообразен и прекрасен. Упускаем самое главное: что мы в этом мире не одни – рядом есть то, что дает нам надежду на, возможно, вечное существование. В надежде, что мы явимся туда просветленными, с багажом накопленных знаний и опыта, которые будут полезны и пополнят общий вселенский банк мироздания.

Конечно, не все так просто. Жизнь устроена так, что, познавая ее, нам приходится постоянно проходить через испытания и учиться жить. Нужно быть очень внимательными ко всему, что совершается вокруг нас. Неустанно укреплять свой дух и наполнять сосуд знаний. Если этого не происходит, то в ином мире мы можем оказаться пустышкой, и тогда наше вечное созерцание обнуляется и исчезает в вечности. Нас просто стирают без права явиться в этот или другой реальный мир, где страсть и переживание – главные условия существования души и плоти, источник душевного стремления к совершенству. Это высшее наслаждение, дарованное нам вселенским разумом и всевышними силами! Можно называть это как угодно, но это бесценный дар. Дар для всего живого и разумного. И наша высшая цель – сохранить себя и снова воскреснуть. Чтобы снова и снова как наслаждение, как наивысшее состояние души переживать бурю эмоций.

Мы можем заблуждаться и совершать ошибки. Не надо этого бояться. Ошибки – неотъемлемая часть нашей жизни, уроки, которые помогают нам двигаться вперед и обретать опыт. Однако есть правила, которые не следует нарушать.

Во всех мирах присутствуют те, кому поручено наблюдать за исполнением этих правил и в необходимых случаях направлять, помогать, а иногда и вмешиваться в происходящее, чтобы корректировать действия, ставящие под угрозу течение времени и жизни. Эти люди не появляются откуда-то из других миров – они рождаются и пробуждаются в нашем реальном пространстве. И становятся для нас связующим звеном с тем, другим миром, к которому они ближе всего и с которым имеют право на общение, потому что способны видеть то, что недоступно

другим. Обладая даром сверхчувственного восприятия действительности, они несут на себе огромный груз ответственности за наш мир и за будущее.

Моя история сродни долгому путешествию в мир смыслов, обретенных в реальной жизни. Иногда она кажется мистической, а случившиеся со мной события скорее придуманными, чем правдивыми. Но главное, она наполнена любовью, борьбой за справедливость и встречами с необыкновенными людьми двух миров.

Часть первая

Глава первая

Странные дамы

Лето в тот год выдалось жарким. Августовское Черное море в районе Геленджика, как всегда в это время, было ласковым и нежным. Без сюрпризов в виде неожиданных холодных течений. Эти перевертыши, как их называют местные, приносили с собой не только резкое охлаждение воды, но и массу неприятных ощущений, а также простуд. Но в нынешнем сезоне, как говорится, Бог миловал. Единственным неудобством оказалось то, что мне нужно было раньше вернуться домой. Много работы и проектов. Ну что ж, хотя лень, как говорят некоторые псевдолекари, и способствует укреплению здоровья, но закаляет его как раз таки рабочая движуха.

Все началось ровно за три дня до той неожиданной встречи, которая многое изменила в моей жизни.

Дни отдыха на море ничем не отличались друг от друга. Разве что вечером менялись место ужина и, соответственно, качество кухни, а вместе с ними громко звучащая в летних ресторанчиках музыка.

В тот день, когда ближе к полудню жара достигла своего пика, я, как обычно, утолил жажду холодным разливным пивом и ушел в тень под навес, где стояли платные шезлонги. Взял в руки АиФ и стал лениво просматривать разную информацию с признаками желтой прессы. На глаза попала статья о некоем объединении женщин, называющих себя ведьмами, которые решили бороться за признание своего места в обществе. Я подумал, что это очередные феминистки, которые чего только ни придумают, дабы самоутвердиться. Постепенно пиво взяло свое, и, не дочитав статью, я уронил газету на лицо и уснул.

После прочитанного мне, конечно же, приснился ведьминский шабаш на Лысой горе. Впрочем, это я сейчас так шучу, чтобы случившееся далее не вызвало у читателя недоумения.

Не помню, сколько я проспал, но проснулся оттого, что кто-то теребил меня за плечо. Раздраженный женский голос просил наконец ответить на звонок мобильного телефона, который уже достал лежащих рядом своим рингтоном. Похоже, пиво я выбрал не слабое!

Открыв глаза, я увидел перед собой необычную женщину с черными, как смоль, густыми волосами с синим оттенком. Контраст усиливала белоснежная ажурная шляпка на ее голове. Но более всего меня поразили ее глаза: они были как будто без зрачков. Смотришь и не понимаешь, видит она тебя или нет. Сон в руку, подумал я.

Заметив мою растерянность, незнакомка неожиданно сменила тон на более дружелюбный и добавила, что, видимо, звонок очень важный, раз так упорно дозваниваются. Затем улыбнулась, отошла и улеглась на шезлонг. К сожалению, не рядом, а лежаков эдак через пять.

И тут я немного завис. Тот, кто когда-нибудь смотрел в глаза с зрачками цвета пустоты, меня поймет.

Телефон опять ожил, пришлось ответить. Звонил мой помощник, который сообщил, что мне нужно срочно возвращаться, так как тендер на строительство перенесли на десять дней раньше заявленного срока.

Ну вот и накрылся мой отпуск медным тазом! Сразу же замаячили проблемы. Мы приехали сюда всей семьей на машине. Однако домашние, сто процентов, меня не поймут, если

я предложу им вернуться раньше, так что придется добираться назад одному на поезде или самолете.

Из головы не выходили поразившие меня странные глаза и необычный вид незнакомки. Да еще эта статья про сообщество ведьм!

Вообще-то, я не из робкого десятка и с такими дамами в жизни встречался не раз. У меня в компании и сейчас работала известная ясновидящая из Самарканда. Ну как работала, не гадалкой, конечно, а обычным врачом-терапевтом. Она дипломированный специалист с высшим медицинским образованием. Стройка большая, людей много, а при нашей травмоопасной деятельности медработник всегда нужен. Кому зеленкой или таблетками помочь, а кому и душу подлечить добрым советом. К слову, экстрасенс оказалась личностью незаурядной и одаренной. Впрочем, о ней в моей истории будет отдельный рассказ, но чуть позже.

Вечером того же дня я вновь встретил даму, разбудившую меня на пляже. Вечерний наряд, прическа и аксессуары не оставляли сомнений в том, что она именно из тех женщин, о которых я прочитал в АиФ. Надо сказать, в последние лет восемь мне приходилось довольно часто встречаться и даже общаться с необычными людьми, считавшими себя ясновидящими или обладающими какими-то сверхъестественными способностями. Но я и предположить не мог, что у всего этого будет продолжение. Причем очень неожиданное.

На дворе 2005 год. Я, обычный предприниматель средней руки, пробую себя в разных направлениях и проектах и уже больше пятнадцати лет выстраиваю стратегию своего небольшого бизнеса. Это, конечно, приносит доход, однако звезд с неба не хватаю.

Как обычно в летний период, по давно заведенной традиции мы всей семьей приехали к морю на микроавтобусе. Станный на первый взгляд выбор транспортного средства объяснялся моей слабостью, связанной с давней мечтой обеспечить свою многодетную семью приличным многоместным авто. Впереди еще несколько дней блаженного ничегонеделанья и наслаждения морем и солнцем. Но теперь мне придется прервать отпуск, оставить Мультик (ласковое прозвище микроавтобуса) здесь и заняться покупкой билета на поезд до Москвы.

Железнодорожный вокзал только в Новороссийске. Я обратился в местную контору, которая занималась решением транспортных вопросов, и попросил приобрести билет по возможности на ближайшие дни. Задача не из легких. Электронных услуг, когда наличие билетов можно отследить по ноуту или телефону в режиме реального времени, в то время еще не было. Все по традиции делалось через кассу, где информация постоянно обновлялась. А в сезон с билетами, сами понимаете, не просто.

Однако мне повезло. Жизнерадостный голос молодой девушки по входящему бодро сообщил, что, на мое счастье, нашлось одно место в купе на верхней полке. Какая-то экстравагантная дама неожиданно сдала билет. Кассирша хотела сказать что-то еще, но на полуслове запнулась и после паузы добавила, что билет нужно забрать срочно. Заодно предупредила, что поезд дополнительный, поэтому будет в пути почти двое суток. Как будто у меня были другие варианты! Понятное дело, девушки в кассе старались: я заранее презентовал им пару бутылок шампанского и конфеты. Набор джентльмена.

Быстро собрав сумку с вещами и передав ключи от Мультика племяннику, я помчался на станцию. Несмотря на реальный прогресс в стране, железнодорожный вокзал в Новороссийске словно застрял во времени и, как и раньше, создавал массу неудобств для курортников, да и для местных тоже. За многие годы здесь почти ничего не изменилось.

Вечерний поезд, духота. Раскаленный воздух на перроне и в перегревшихся за день вагонах обдавал жаром. Кондиционеры работали только в движении. Радовало только то, что вагоны были относительно новыми и чистыми. Ну и все же купе! Примчавшись за несколько минут до отправления, я быстро отыскал свой вагон и сходу, даже не постучав, рванул дверь в купе.

Открыл, посмотрел и сразу же закрыл. Просто впал в ступор... В тесном купе обустроились на нижних полках три женщины, одна переодевалась. Оторопь прошла минут через пять, когда в двери появилась дама средних лет приятной наружности и приветливо обратилась ко мне:

– Молодой человек, вы к нам? Ну что же вы, заходите. Мы вас уже ждали.

Мне показалось, что на ее лице при этом мелькнула снисходительная улыбка. Я смущенно извинился и вошел в купе. Закинув нехитрый скарб на верхнюю полку, уже собрался было лезть на свое место, как одна из пассажирок предложила не спешить и присесть пока внизу. Поезд еще даже не тронулся.

Отдышавшись, я немного успокоился и стал присматриваться, с кем мне предстоит ехать двое суток до Москвы. Откуда-то появилось странное предчувствие, что впереди меня ждет настоящее приключение.

Первое, что бросилось в глаза, это роскошные черные, как смоль, блестящие волосы всех моих спутниц. Такие же, как у незнакомки на пляже. Только у той, что была среднего возраста, на черном фоне резко выделялась прядь пшеничного цвета, которая придавала ей особый шарм. Я пригляделся внимательнее, надеясь увидеть знакомые черты. Увы, той, что поразила мое воображение на пляже, среди них не было. Как ценитель женской красоты, я был потрясен необычной внешностью сидящих рядом со мной женщин. Это были не просто лица – прекрасные лики богинь или дам из высшего общества! Точеные, благородные! Без единой морщинки, с безупречно тонкими аристократическими чертами! Возраст женщин, на мой взгляд, от тридцати до пятидесяти, не старше. Самая молодая – с красивым ровным загаром. Две другие, видимо, предпочитали на пляже зонтик, если, конечно, вообще там бывали. Макияж у всех, несмотря на жару и духоту, яркий, но не вульгарный. Наряды соответствовали изысканной внешности нимф: две из них были в легких черных летних костюмах, самая молодая – в ярко-красном. Мне казалось, что эти одеяния были какими-то особенными – они словно струились на их фигурах.

Но и это еще не все. С годами благодаря специфике моей работы, связанной с общением с людьми, у меня выработалась привычка внимательно смотреть в глаза. Я уверен, что по зрачкам можно легко определить характер, если хотите, харизму и даже понять, умный перед вами человек или нет. Вот и в этот раз, стараясь не быть навязчивым, я вглядывался в глаза попутчиц с надеждой увидеть в них что-то необычное и загадочное. Более молодые имели абсолютно черные зрачки, по которым ничего невозможно определить. Разве только при пристальном изучении увидеть свое отражение. А вот старшая в этой троице меня удивила. Ее глаза напоминали бездонные лесные озера с прозрачной небесно-голубого цвета водой и россыпями золотого песка по всей радужке. Они привлекали, затягивали, вызывая неодолимое желание утонуть в них и все забыть.

Пока я осваивался и раскладывал свои вещи по местам, они негромко общались. По отдельным фразам было понятно, что все трое знакомы между собой и, по всей видимости, уже давно. Говорили о какой-то недавней встрече, состоявшейся в горах в районе Геленджика, при этом мелькали названия разных типов мегалитов, в большом количестве встречающихся в нижних горах Кавказа. Среди них упоминалась также одна из главных достопримечательностей этих мест – дольмены, древние сооружения, созданные в период египетских пирамид из огромных поставленных один на другой камней, которым не менее четырех тысяч лет.

Поезд стал набирать скорость, включился кондиционер. И тут у меня в голове что-то щелкнуло. Я вспомнил, что, когда практически бегом заскочил в вагон, в нем было так же душно, как и на улице. Пот катился с меня градом, но, оказавшись в купе, я тут же забыл об этом дискомфорте. В небольшом закрытом помещении ощущался приятный запах мяты и еще какой-то незнакомой мне травы. Аромат свежести и прохлады. Откуда он исходил, непонятно, да и я не сразу обратил внимание на резкое изменение своего состояния.

Через какое-то время после отправления попутчицы стали доставать из своих сумок и выкладывать на столик разную снедь. Я отправился в туалетную комнату, где сменил шорты и футболку, умылся и, возвращаясь обратно, конечно же, постучал. За время моего отсутствия дамы успели переодеться. Женщинам свойственно часто менять наряды, и здесь нечему удивляться, но мои спутницы встретили меня одетыми во что-то настолько легкое, воздушное и полупрозрачное, что я немного смутился и отвел взгляд, стараясь не смотреть слишком пристально. Заметив мою растерянность, старшая попросила их извинить и объяснила нескромность вечерней одежды летней жарой. К тому же, добавила она, скоро ложиться спать и нет смысла еще раз переодеваться. А затем лукаво усмехнулась:

– Ну, в конце концов, вы же не мальчик и наверняка видели гораздо более откровенные одеяния.

«Ну да, как же, конечно, видел», – подумал я про себя. Вот только сейчас рядом со мной находились три грации с такими шикарными фигурами и формами, что невозможно было оторвать глаз и хотелось любоваться бесконечно. Худосочные модели отдыхают!

Ох, похоже, дорога у меня будет не простой! И, вспомнив оставленные на пляже черные очки, я в душе пожалел о своей недалекости. «Ну что, Влад, остается только глаза в пол и не краснеть», – вздохнул я, примиряясь с обстоятельствами.

После предложения познакомиться на столике появилась наполненная чем-то красным бутылочка, напоминающая по форме графин, а вслед затем четыре складных винтажных стаканчика и различные закуски в виде бутербродов и фруктов.

Мои попутчицы представились: старшую звали Натали, двух других – Инга и Злата. Подруги много-много лет. Я тоже хотел себя назвать, но Инга, приложив палец к губам, предложила отгадать мое имя. Однако, внимательно посмотрев мне в глаза, вдруг смешалась и, взглянув на Натали, спросила:

– Ты тоже это увидела?

– Да, сразу, – ответила та и, сделав непонятный знак рукой, посмотрела на Злату, которая увлеченно листала журнал мод.

Та с удивлением подняла глаза на Ингу и произнесла:

– Что вы на меня так смотрите? Я заметила, но сомневалась, может, думаю, показалось. Теперь с вами согласна, однако еще нужно проверить, не так ли?

Я не понимал, что происходит, а Натали, не ответив на вопрос Златы, уверенно продолжила:

– Вас зовут Влад.

И, рассмеявшись, объяснила:

– Не надо пугаться: мы – экстрасенсы-телепаты. В летний период гастролируем со своей программой как актрисы театра эстрады, ну а в обычной жизни у нас вполне земные профессии. Так что лето для нас не просто отдых, а еще и любимое развлечение.

При этих словах у меня в голове почему-то возникло воспоминание о Вольфе Мессинге. Я усмехнулся про себя: «Ага, рассказывайте, какие там у вас земные профессии! Вы скорее инопланетянки». Натали, будто прочитав мои мысли, с легкой улыбкой спросила:

– Почему вы подумали о Мессинге? Что вы вообще о нем знаете?

Как?! Я же не говорил об этом вслух! Изумление на моем лице было таким откровенным, что Инга улыбнулась:

– Не удивляйтесь, я же предупреждала о наших способностях.

Успокоившись, я сказал, что знаю, кто такие экстрасенсы. В детстве, когда мне было лет восемь, я с родителями был на концерте Вольфа Мессинга в Сочи и хорошо помню, что он там делал. А уже став взрослым, кое-что из его фокусов делал сам. Натали попыталась уточнить, что именно, но я сказал, что расскажу при случае.

– Ну что ж, – подала голос Злата, – тогда нам будет гораздо проще общаться с вами, Влад Лис.

Услышав, как она меня назвала, я вздрогнул от неожиданности. Лис – это же моя детская, и не только детская, кличка! Но ее знали только близкие мне люди, ну или те, с кем я был знаком с детства! Мне стало как-то не по себе.

Тем временем Натали разлила по стаканчикам напиток из графина, который оказался вишневой наливкой. Я сделал глоток – вкус необыкновенный!

– Собственного производства! – с гордостью сообщила она и, хитро прищурившись, поинтересовалась: – Ну, и как вам? Надеюсь, не хуже, чем делал ваш дедушка?

Это стало третьим ударом, добившим меня окончательно. Первой мыслью после всего услышанного было: «Да это же сто процентов настоящие ведьмы! Цыгане им и в подметки не годятся! Ну как, как она могла узнать, что мой дедушка, который уже давно умер, был знатным мастером по изготовлению домашнего вина, а лучшим его напитком как раз была вишневая наливка! И откуда им известна моя кличка Лис? Я уже вообще молчу про имя. Ну ладно имя – я же сам хотел представиться и думал об этом, но кличка и наливка деда – это уж слишком. Чертовщина какая-то, да и только!»

Наслаждаясь моим изумлением и растерянностью, Инга предложила мне погадать на картах Таро. К тому времени мы уже выпили по три стаканчика и закусили фруктами. Бутерброды есть не стали – они не подходили к наливке, десерт все же. Не успел я об этом подумать, как Натали кивнула и сказала, что я прав, бутерброды больше подойдут к вечернему чаю. Но ведь я же только подумал и вслух ничего не произносил!

Мне стало понятно, что и думать тоже не вариант: они считают меня на раз-два. Точно экстрасенсы-телепаты! Хотя, вообще-то, я уже запутался, кто они такие на самом деле, постоянно задавая себе этот вопрос.

– Владюша, – вдруг ласково обратилась ко мне Натали, – вы не волнуйтесь, нам очень непросто считывать ваши мысли. Хотя, честно признаюсь, мы немного развлеклись, наблюдая, как вы реагируете на проявление наших способностей. Ваше восприятие было таким неподдельно искренним! Извините, больше не будем.

Раздался смех. А Злата добавила:

– Приятно, что вы нас, хоть и не просто, но понимаете. Вы как бы из наших...

Я не совсем понял, о чем это она. Что значит «из наших»? Но продолжать думать, что они ведьмы, больше не решался.

Наливка взяла свое, и я расслабился. До карт Таро так и не дошло. Коварный напиток развязал мой язык и сознание, и я начал рассказывать о себе все, что помнил. Как мне показалось, с момента рождения и до своего появления в купе. Такое впечатление, что сам себе устроил допрос с пристрастием, ничего не скрывая. И смех, и грех! Однако меня слушали внимательно, с нескрываемым интересом. Я рассказывал, лежа на своем месте, и не заметил, как и когда заснул, что для меня было практически невозможно – в грохочущем поезде, да еще на верхней полке! Спал крепко до самого утра – вот так чудо-наливка, хотя, может, тут было и еще что-то другое.

Проснулся я не от лучей солнца, заливавших все купе ярким светом, а от сладкого и терпкого запаха, витавшего в крохотном помещении. Может, это был парфюм моих спутниц, а может, близкие мне по духу ведьмы что-то там наколдовали. Я не переставал удивляться тому, что полностью доверился им и раскрылся весь без остатка.

Нам предстояло провести целый день вместе в небольшом замкнутом пространстве. Остановки очень короткие, вагон-ресторан в этом составе не предусмотрен, так что питаться придется запасами моих спутниц и тем, что найдется у проводницы. У меня с собой было только то, что можно почитать, вернее, послушать. Я тогда увлекался прослушиванием аудиокниг, особенно в дороге.

Мне казалось, что мои вчерашние откровения полностью удовлетворили любопытство попутчиц и тема для разговоров исчерпана. Но не тут-то было. После утреннего кофе с печеньем и остатками вчерашних бутербродов Инга вновь принялась за старое и задала несколько вопросов, которые поставили меня в тупик. Например, верю ли я в потустороннюю жизнь и существование иного мира и не приходилось ли мне в жизни сталкиваться с чем-то подобным? И еще спросила, случалось ли, что мне кто-то гадал и предсказание сбылось? Свои расспросы объяснила просто: она видит во мне человека незаурядного и, возможно, обладающего исключительными способностями. Я сразу представил, как сейчас она достанет карты Таро и начнет гадать. Но все сложилось иначе.

Натали и Злата поддержали подругу, тем более что дорога предстояла долгая. Я немного растерялся от услышанного, но затем собрался и даже пошутил, что, судя по всему, они скорее собирательницы фольклора и всяких историй о необычных явлениях. Не случайно же вчера в наливку, предположил я, было добавлено волшебное зелье. Без него я бы так не разболтался. Мне хотелось разрядить обстановку и уйти от дальнейших расспросов. Хватило вчерашнего вечера.

Сказанная шутка повисла в воздухе, в купе воцарилось молчание. Я подумал, что сморозил чушь и наверняка обидел своих спутниц. Но после короткой паузы они залились звонким смехом.

– Ну да, точно собирательницы! Только не фольклора, а заблудших душ. Поскольку мы сами персонажи из сказок и преданий... – сквозь смех сказала Натали и с ехидной улыбкой прищурилась: – Разве по нашему виду непонятно, что мы среднерусские ведьмы?

– Простите, может, я что-то не так сказал, вернее, спросил, но я не настолько далекий от жизни человек, чтобы приводить мне в сравнение сказочных героев. Я всегда относился к сказкам по принципу: «Сказка – ложь, да в ней намек». Продолжать нужно?

– М-да, признаюсь, Влад, ответ весьма неожиданный. Интересный вы у нас пассажир! – с удивлением глядя на меня, произнесла Натали.

Спутницы поддержали ее, правда, как-то не очень убедительно:

– Прости, пожалуйста, ты, наверное, много смотришь фильмов про ведьм или что-то в этом роде?

Опять смех, но другой, какой-то ненастоящий. Как защита от вопросов, на которые явно не хотели отвечать.

Посмеявшись, хотя и явно не от души, наигранно, они смотрели на меня уже совсем по-другому. Инга, пытаясь сгладить неловкую ситуацию, вновь попросила меня рассказать о моих воспоминаниях и наблюдениях. Я согласился. Только предупредил, чтобы не сочли меня сумасшедшим и не сильно смеялись. Сам подумал: «А что, собственно, рассказчик я неплохой, да и придумать и нафантазировать могу. Если что, и приврать тоже. Все какое-то развлечение, глядишь, и время быстрее пройдет. А когда в компании одни женщины, за вранье в морду точно никто не даст».

Я привстал и, сделав театральную паузу, торжественно произнес:

– Ну что, дамы и господа! Ой, хотя нет, здесь же только милые дамы! Начинаю свое повествование.

Раздались аплодисменты...

А меня вдруг как будто током ударило, и в голове стали всплывать события, о которых я, казалось, уже давным-давно забыл и к которым не возвращался много лет.

Глава вторая

Вещие сны

С тем же наигранным пафосом я продолжил:

– История первая. «Детские сны».

Почему-то в юном возрасте, еще до школы, мне часто снились плохие сны, от которых я просыпался в поту и звал маму. Собственно, так бывает со многими детьми, и ничего особенного в этом нет. Жили мы тогда на Кавказе, среди гор, заснеженных вершин и глубоких ущелий. Городок, в котором работали мои родители, раскинулся в одной из таких расщелин, где протекала бурная и своенравная горная река. Его название Тырныауз пошло от названия самого ущелья, которое местные переводили как «ущелье ветров», а ветра там были знатные. В исторической версии оно упоминалось как Журавлиное ущелье. Рассказывали, что лет двести тому назад здесь жили или останавливались на отдых летевшие в теплые края журавли. Утверждать не могу, кто такое будет долго хранить в памяти!

Через ущелье проходила единственная дорога к подножию Эльбруса, самой высокой горы Европы, который своим двуглавым величием возвышался над Главным Кавказским хребтом. Эльбрус всегда был и по сей день остается сакральным местом для многих народов и правителей. Его снежные склоны за прошедшие столетия не раз обильно поливались кровью завоевателей. Как говорится в древнем предании, кто покорит вершину Эльбруса, тот будет править миром!

Последнее я произнес с особым нажимом, чтобы придать своему рассказу эмоциональную выразительность и некий мистический оттенок. Это, несомненно, должно было возбудить еще больший интерес моих спутниц.

– Так вот, в тот период по ночам мне часто снились жуткие монстры, огромные и черные, как гранитные скалы. Во сне они приближались ко мне и пытались что-то сказать, но у них получались не слова, а какое-то мычание, как бывает у немых. От ужаса я начинал задыхаться и криком будил маму. Эти страшные ночные сцены воспринимались моим сознанием на физическом уровне, я видел их в цвете, как в реальности. Мне всегда казалось, что причина таких снов в том, что окружавшие наш городок со всех сторон горы как бы зажимали всю его жизнь в каменных тисках, подавляя своим безмолвным величием. Действительно, местами скалы, нависающие над дорогой, которая вела к городку, напоминали злобный волчий оскал. Это часто пугало приезжих, вселяя в них необъяснимую тревогу и беспокойство.

Как-то раз в одном из этих снов я увидел себя вместе с монстрами, которые уже не казались мне страшными, таким же немым, как и они. Я показывал рукой вдаль, на склон горы, где виднелись несколько перепуганных мальчишек. Было件нятно, что они попали в беду и не могут спуститься вниз. Этот сон повторялся много раз.

Потом, когда я немного подрос, страшные сны прекратились, но остались в моей памяти навсегда. Пришло время, и я спросил маму, почему это со мной было и что это за сны. Она рассказала, что в детстве я почти до трех лет не разговаривал, вообще не мог произнести ни слова, а только мычал. Родители очень переживали, и однажды отец вместе с другом семьи повезли меня показать известному доктору в город на Днепре, где они с мамой родились и выросли. По тем временам это было немыслимо далеко.

Странно, но я совсем не помнил ни доктора, ни того, что со мной там, на Днепре, произошло, и узнал обо всем лишь через много, очень много лет. Расскажу об этом позже. Но из той поездки, по словам мамы, я вернулся уже совершенно здоровым и начал говорить, да так, что от моих бесконечных вопросов и разговоров у всех болела голова. Мама улыбнулась, обняла меня и поцеловала в макушку, закончив свой рассказ словами:

– Наверное, поэтому, сынок, тебе и привиделось во сне, что ты не можешь разговаривать.

– Судя по всему, это наверняка был мой первый контакт с потусторонним миром, – с ироничной улыбкой сообщил я, в душе надеясь, что мои спутницы воспримут сказанное как шутку. И решил добавить то, о чем мне часто рассказывала старшая сестра:

– Родители были в городке известными людьми, и нашу семью многие знали. Когда мы с сестрой играли на улице, прохожие, глядя на нас, качали головами и говорили: «Ты смотри, какая беда! Такой красивый мальчик, а родился немым».

В купе стояла тишина, я бы сказал, гробовая. Лица женщин были серьезными, ни единого намека на насмешку. А потом Инга неожиданно для меня спросила, что же случилось дальше с теми мальчишками на горе? Вот теперь опешил я. И в голове внезапно всплыло детское воспоминание о том, как мы с пацанами, будучи совсем еще детьми, нам тогда было лет по восемь-девять, решили забраться на гору.

– Восточный склон горы, у подножия которой вытянулся вдоль бурной горной реки наш городок, спускался прямо в ущелье. Он был более пологим, чем остальные, и хорошо освещался солнцем, благодаря чему имел травяной покров, а по всей его поверхности росли редкие невысокие кусты. Склон был изрезан тропинками, которые извилистыми змейками поднимались вверх, к затянутой серой дымкой горной вершине.

Наиболее отчаянные из местных нередко забирались на самый верх, где была обустроена площадка. Оттуда открывался великолепный обзор не только городка, но и части Главного Кавказского хребта с одной стороны и альпийских лугов с другой. Мы, мальцы, подниматься на такую высоту не рисковали. В лучшем случае залезали метров на сто-сто пятьдесят прямо над трибунами стадиона. Смотрели оттуда футбольные матчи местной команды с приезжими.

Но в тот раз, это было ранней осенью, учебный год только начался, решили забраться выше. Конечно, не просто так, а на спор. В нашем классе учился Сережа Кузнецов, отец которого работал в спасательном отряде. И Серега, как мы его называли, не без основания считался среди нас самым крутым и подготовленным. Вообще, надо сказать, хождение в горы не было для нас каким-то экстремальным событием. Шумные ватаги мальчишек, да и девчонок тоже, самого непоседливого возраста, не старше пятнадцати, частенько отправлялись на ближайшие склоны, где собирали шиповник или ловили сусликов. Все добытое сдавали в аптеку или заготовительную контору. Цена была смешная – пятак. Но для нас два пятака – это билет в кино или чудесное тающее на языке мороженое, которое изредка, в основном по праздникам, привозили из Нальчика. Хорошей асфальтированной дороги к городу тогда еще не было, а местами над некоторыми участками пути нависали скалы, так что камнепады были привычным явлением.

В тот день мы чуть было не подрались с пацанами из параллельного класса. Причину ссоры я уже не помню, скорее всего, кто-то из наших, как это часто бывает, начал выпендриваться, и в итоге пацанва взяла нас на слабо. Как бы там ни было, сразу после обеда небольшая команда из пяти мальчишек, в числе которых был и я, направилась к подножию горы. Шагали весело, подбадривая друг друга шутками, уверенные, что сделаем пацанов на раз-два. Доверившись Сереге, на адреналине практически бегом начали подъем.

В горах солнце уходит быстро, поскольку горизонта там нет, зато есть вершина другой горы. Вернее, горной гряды. Солнце закатывается за макушку противоположной вершины, после чего температура резко падает, так как до снежных вершин Эльбруса по прямой всего-то километров тридцать. Дыхание ледников с ветром по ущелью быстро меняет погоду.

Мы лезли и лезли по тропам вверх, как муравьи. Когда поняли, что половина пройдена и мы победили, стали, кто как умел, свистеть и махать руками тем, кто внизу. Просигналив, что цель достигнута, начали спуск.

Те, кто хотя бы раз в жизни поднимался в горы, хорошо знают, что подъем – это не самое трудное. Наиболее сложен и опасен спуск с горы. Но мы-то местные, рожденные в горах! Нас-то учить не надо, мы все можем и не единожды ползали по крутым склонам. В тот раз тоже ничего опасного не предвиделось, тем более что повсюду тропы, да и гора – это не скала. Выглядела она вполне безобидно и по форме была похожа на огромный сундук.

Неожиданно температура резко понизилась. В ущелье со стороны предгорья и осенней равнины подул холодный воздух. С южной стороны ему навстречу, перевалив через высокогорье Кавказского хребта, двинулся влажный воздух еще теплого Черного моря. Юг есть юг. В результате смешения воздушных потоков быстро стал образовываться туман, а затем и наледь. Обувь у нас была образца шестидесятых – легкие летние сандалии, а не скалолазки. С грехом

пополам пройдя полпути вниз, мы вынуждены были замедлить ход, так как на тропинках и на траве появился ледяной покров. Подошвы сандалий отчаянно скользили. Порывы ветра пронизывали почти летнюю одежду насквозь, заставляя тряситься от холода и сжиматься. Постепенно у всех начался мандраж. Под конец, когда трибуны стадиона были уже хорошо видны, мы просто сползли на пятой точке. Склон к тому времени полностью покрылся коркой льда, и зацепиться руками было не за что. Двое из нашей команды, обессилев, сорвались вниз. Сначала неловко заскользили, не находя опоры и ускоряясь все сильнее, а потом с криками покатались кубарем, обдирая руки и ноги и ударяясь головой о камни. Наш вожак Серега был одним из них. Увидев это, остальные пацаны остановились, не решаясь спускаться дальше. Внизу уже собрались люди, стояла скорая помощь.

Стуча зубами от холода, ошалевшие от страха, мы всеми силами старались не сорваться, отчаянно цепляясь за любые выступы на горе. Я помню, как ухватился за единственный попавшийся мне на пути кустик, который оказался диким шиповником. Онемевшие пальцы кровоточили. Сжав губы, я держался за него мертвой хваткой, не чувствуя боли и ощущая только дикий холод и страх. Двое других пацанов обнимали случайно подвернувшийся небольшой каменный выступ. Один из них плакал навзрыд. Другой, судорожно всхлипывая, старался успокоить себя и товарища.

Альпинисты из спасательного горного отряда смогли добраться до нас примерно через полчаса. Итог был трагичен не только для тех, кто получил ушибы и переломы, но и для всех нас. Последовавшее суровое родительское внушение и неделя без сладкого были не самым строгим наказанием, хотя кое-кто в назидание получил еще и ремешком по тому самому месту, которое и так ныло после травматического спуска. Куда более тяжелым испытанием стало мучительное чувство стыда за свое мальчишество и необдуманный поступок. Общественное порицание в школе считалось в те времена верхом позора. Как такое забудешь!

Я замолчал, даже сейчас остро переживая тот случай, а мои спутницы переглянулись.

– Ну что, как видишь, я была права, – со значением посмотрела Инга на Натали.

Почему права и в чем, я понял не сразу.

А Злата воскликнула:

– Еще легко отделались! Я бы вам такую трепку задала, чтобы навек запомнили. Год бы из угла не выходили, тонну посуды перемыли! – понесло ее.

– Да успокойся уже! Читай нравоучения своей дочке, куда можно лезть, а куда нельзя. Алтайские горы тоже горы. Мы же о другом говорим, – остановила ее Натали. – Значит, наш мальчик видит вещи сны! Приятная новость... – задумчиво глядя на меня, сказала она и предложила соорудить по чашечке кофе из кофемашины проводницы, а запить все это стаканчиком наливки.

Пока пили кофе, я рассказал, что после этого случая летом следующего года отец специально отправил меня с альпинистами из спасотряда на экскурсию. Хотел, чтобы я побывал на альпийских лугах, увидел вблизи мощь и силу дикой природы.

– Вообще говоря, прошедшее лето было очень необычным и наполненным странными событиями, а потому и запомнилось мне особенно. Именно тогда я впервые увидел то, что во многом изменило мое восприятие жизни и смерти. Но сейчас не об этом.

– Ну вот! То не буду, то не хочу... – возмущенно запротестовала Злата. – Продолжайте, если начали, иначе я просто умру от любопытства.

Инга тут же поддержала ее:

– Владюша, не изображайте из себя режиссера многосерийного фильма, где каждая серия прерывается на самом интересном месте.

Свои пять копеек вставила и Натали, энергично подбодрив меня словами:

– Давайте-давайте, крутите свое интересное кино...

– Ну, хорошо, только заправлю в кинопроектор новую пленку, – подхватил я шутливый тон и, учитывая интерес своей аудитории, продолжил уже со знанием дела.

Глава третья

Снежные во плоти и призраки наяву

– Итак, мои прелестные дамы, слушайте и не говорите, что не слышали, – начал я с известной фразы из фильма «Волшебная лампа Аладдина». Набрал полную грудь воздуха и нарочито трагическим и надрывным голосом, каким обычно говорят в фильмах ужасов, произнес:

– Наступило лето. Изнывающий от жары город опустел и затих, не слышно было детского шума и гомона! Все мои друзья разъехались. Кто на равнину к бабушкам и дедушкам, кто к морю или в пионерские лагеря. Нас с сестрой в это лето ждала совсем другая программа. До отпуска родителей оставалось еще полтора месяца. Я слонялся по городским улицам практически в одиночестве. И, как уже говорил, отец не придумал ничего лучше, как отправить меня на пару дней в горы с альпинистами из горноспасательного отряда. Для них это была плановая тренировка.

Там, на маршруте, я на практике убедился, что несчастные случаи в горах и всевозможные угрозы жизни чаще всего происходят из-за незнания правил поведения. Абсолютную безопасность, конечно, обеспечить трудно, но проявлять осторожность и соблюдать элементарные правила жизненно необходимо. Необдуманные поступки, незнание простых вещей влекут за собой не только травмы, как это случилось тогда с нами на склоне, но и более серьезные последствия. Это путешествие меня многому научило. Я стал увереннее в себе и втайне гордился тем, что выдержал все испытания в походе наравне со взрослыми. Хотя, конечно, в силу своего возраста тогда еще не совсем это понимал.

К вечеру мы с отрядом добрались до жилища пастухов на границе, откуда начинались альпийские луга. Это было на высоте примерно две с половиной – три тысячи метров над уровнем моря. Пока мы шли, погода менялась несколько раз. Хорошо, что предусмотрительный командир захватил с собой телогрейку самого маленького, какой только нашелся, размера. Хотя все равно она оказалась для меня огромной и укрывала меня до самых пяток. В этой достающей до земли стеганке я выглядел как сказочный мальчик-с-пальчик. Зато, когда мы проходили очередную высоту и с нахмурившегося неба посыпался ледяной горох, она спасла меня от холода.

Самое интересное для себя я узнал, когда мы пришли к жилищу пастухов, где должны были остановиться на ночевку. Наш временный приют представлял собой перевалочный пункт для короткого отдыха перед последним переходом на альпийские луга. Необычное сооружение, не похожее ни на что из виденного мною ранее, было встроено в склон горы почти у самой ее вершины. Единственное, что здесь было сделано из дерева, это дверь, сбита из толстых досок. Ну и еще нескольких поросших мхом жердей крыши, накрытых листьями, напоминающими жесть. Все остальное сложено из камня, слой за слоем. Рядом с каменной постройкой бил источник нарзана.

Старший группы, увидев, что дверь в сторожку приоткрыта, резко остановился и приказал всем отойти подальше. Огромный почти круглый камень, которым обычно подпирали дверь, покидая жилище, лежал, отброшенный в сторону, метрах в десяти. Командир что-то громко крикнул по-балкарски и, сделав нам знак молчать, подождал ответа. Пауза. Никто не откликнулся и не вышел. Он заглянул в приоткрытую дверь и задумчиво произнес:

– Они здесь недавно были!

Кто-то из членов отряда поинтересовался, кто они и как командир определил, что здесь были чужие. Тот ответил:

– По запаху. Они часто здесь останавливаются.

Оказывается, пастухи предупреждали его о том, что, когда они уходят с отарой на пастбища, в сторожке появляются Снежные. Встревоженные взрослые молча переглянулись между собой, но обсуждать эту тему не стали. Может, не захотели пугать меня разными домыслами и догадками. Но мысли о загадочных существах с тех пор не покидали меня. По возвращении домой я долго допытывался у отца, кто такие Снежные и существуют ли они на самом деле. Впрочем, довольно скоро мне представился случай убедиться в том, что это действительно не фантазии.

В купе стояла тишина. Мои слушательницы ловили каждое слово, а в глазах у них был неподдельный интерес. Наконец Натали заявила, что они, конечно, слышали про йети и не сомневаются в том, что я говорю правду, однако ведь никто и никогда их не видел. На это я возразил, что не только читал о встречах с этими дикими людьми в нашей местности, но и сам как-то раз видел одного из них, и не я один.

– Ну-ну, продолжайте, – загорелась Злата, – это очень интересно!

И я рассказал, как однажды мы с родителями и еще несколько их друзей с семьями поехали в ущелье ближе к Эльбрусу на небольшой пикник. Была весна, но местами в ущелье еще лежал снег, хотя уже и сильно подтаявший. В те времена хорошей дороги к Эльбрусу не было. Строительство первого в стране горнолыжного кластера «Чегет» только начиналось, так что в местечке, где мы остановились, было тихо и спокойно. Никаких лыжников, диких альпинистов и прочих искателей приключений и экстремалов! Только местные горцы и те, кто жил в научном городке и работал на горно-обогательном комбинате. Но это все географические детали, хотя и немаловажные. Короче, места там были по нашим современным меркам дикие и безлюдные.

Разожгли небольшой костер на краю молодой рощицы, в том месте, где бурная горная река Баксан делала изгиб. Ущелье так и называлось – Баксанское. На его склонах росло много молодых березок. Объяснялось это просто: периодически, минимум раз в пять лет, с горных вершин обрушивались снежные лавины, которые полностью меняли в ущелье весь ландшафт и растительность. Частота схода лавин зависела от того, какой была зима и сколько снега скопилось наверху. Но обычно березки успевали вырасти не выше трех-четырех метров. Я помню, что в ущелье были отличные грибные места, так что мы никогда не возвращались из походов с пустыми руками. Наломав тонких палочек, насаживали на них поджаренные на костре грибы, чередуя с кружками вареной колбасы и кусочками хлеба, и с удовольствием уплетали, заедая подаренными нам конфетами.

В какой-то момент шум быстрой реки вдруг прервал отчаянный дикий визг и рычание раненого животного. Звук был похож на визжание дикого кабана, которых там водилось немало, и продолжался минуты три-четыре, а потом все так же резко стихло.

Сбежавшиеся со всех сторон дети в испуге прижались к взрослым, которые сами были напуганы не меньше. Кое-кто даже помчался к машине за ружьем или тем, что у кого там было. Наступившая тишина немного успокоила и привела всех в чувство. Мой отец и еще кто-то из мужчин отправились посмотреть, что случилось. Оба были заядлыми охотниками и решили, что, очевидно, дикий зверь стал чьей-то добычей. Однако выстрелов не было слышно, и это еще больше подогревало их интерес. Ну не с луком же и стрелами там охотились, в конце-то концов! В тех местах практически у всех мужчин имелись охотничьи ружья. Детское любопытство перебороло страх, и мы с ребятами последовали за ними к месту предполагаемой охоты.

И вот нашим глазам предстала жуткая картина: просторная поляна забрызгана кровью, на месте борьбы валяются сломанные сучья и клочки шерсти. Первая мысль была – сошлись волк и кабанчик. Но тут отец обратил внимание на следы: рядом с кабаньими копытами на влажной земле четко выделялись отпечатки невероятно больших ступней человека. Он поставил свою ногу в обуви сорок первого размера на проступивший отпечаток, и все ахнули. Невомо-

оруженным глазом было видно, что след не только более широкий, но и огромный, примерно сорок седьмого размера, а то и больше.

У отца была с собой «Лейка», отличный для тех времен немецкий трофейный фотоаппарат, которым он сделал несколько снимков. Мы с любопытством рассматривали следы, и тут, указывая пальцем на склон горы, кто-то взволнованно крикнул: «Смотрите, смотрите!» Все взгляды обратились туда.

Рощица была лишь внизу, а затем практически лысая гора плавно переходила в новое ущелье, перпендикулярное нашему. По склону горы шел на первый взгляд обычный человек в бурке, тащивший на плече убитого кабана. Расстояние между нами было небольшим, и мы хорошо видели, как он тяжело и медленно поднимается в гору. Услышав крики, человек остановился и повернулся. Мы не поверили своим глазам! Это был не пастух, а низкорослый, очень широкий в плечах мужчина, весь покрытый густым волосяным покровом. Вероятно, необычайно сильный, раз руками порвал кабана. Он стоял на освещенном солнцем склоне горы, так что мы успели его хорошо рассмотреть. Да он и не спешил от нас убежать. Ошеломленные, все застыли в изумлении, а отец воскликнул:

– Вот он, Снежный человек!

Так что, дорогие мои, хотите верьте, хотите нет, но Снежного человека я видел, да и не я один. Есть и еще свидетели встречи с этим необыкновенным явлением в горах Кавказа. Совсем недавно один из бывших с нами тогда мальчишек описал этот факт в научном журнале, в статье, посвященной теме человекоподобных созданий, которая неизменно будоражит воображение людей. Через много лет он разыскал меня, и мы обменялись воспоминаниями.

Довольный произведенным впечатлением, я откинулся на стенку нижней полки и оглядел своих спутниц, не проронивших за это время ни слова.

– В самом начале вы упомянули, – после долгой паузы обратилась ко мне Натали, – что это лето было для вас необычным. Вы увидели что-то такое, что изменило ваше представление о жизни и смерти. Я так понимаю, это не тот случай, который вы сейчас описали. Значит, произошло нечто еще более странное и невероятное? Мне кажется, вы еще не все рассказали.

– Натали, извините, мне бы не хотелось это вспоминать, тем более что в то время я был еще совсем ребенком, – я в нерешительности замялся, не зная, как правильно поступить. Ведь тогда я побоялся сказать об этом даже сестре и родителям. И сейчас во мне боролись противоречивые чувства: я сомневался, нужно ли посвящать в давние детские переживания посторонних людей, и в то же время меня одолевало желание поделиться некоторыми своими мыслями и догадками. Ну да ладно! Последнее все-таки победило, и я решил рассказать о своих детских впечатлениях, связанных с теми загадочными событиями. Тем более что воспоминания о них преследовали меня до сих пор.

– Итак, вернемся в то лето, о котором я говорил. До отпуска родителей оставался еще месяц, и на это время было решено отправить меня с сестрой и ее подругой на равнину, в ставропольскую казачью станицу, где жила бабушка подруги. Семья, в которой росла эта девочка, жила очень бедно, и мои родители старались им помогать чем могли. А когда их отец-фронтовик через пять лет после войны умер от ран, она стала в нашей семье практически приемной дочерью.

Сейчас я понимаю, что этой поездкой родители преследовали сразу несколько целей: прежде всего хотели немного сбить с подросткишек девчонок городскую спесь и приобщить к сельскому труду. А меня отправили для того, чтобы пожил деревенской жизнью и не спрашивал, откуда берутся куриные яйца или как растут помидоры. Ну и вообще, побыл ближе к природе.

Отец привез нас в станицу, которая, если мне не изменяет память, называлась Пелагиада. В то время там только-только начинали ставить столбы для подачи электроэнергии. Большая и длинная, станица вытянулась вдоль берега реки, по обе стороны которой до самого горизонта

простиралась необъятная степь. Представьте на краю небольшой домик-мазанку с соломенной крышей, а дальше – поросшее травой и выжженное солнцем степное раздолье. В домике с белеными известью стенами была всего одна комната, половину которой занимала русская печь. Летняя веранда переходила в сени, как бы предупреждавшие, что это вход в дом. К небольшому огороженному двору с курятником вплотную примыкал приличный по размерам огород.

Тут я осекся. Да что я рассказываю о быте того времени в таких подробностях?! Достаточно сказать, что пол в домике был земляной, и все сразу станет ясно. Тем не менее он был всегда чисто выметен и устелен циновками из соломы и ткаными половицами.

– Итак, лето в самом разгаре. На дворе жара, июль. Приобщение к реальной жизни началось с того, что мне пришлось ходить обедать в дом по соседству, внешне напоминающий барак. Он стоял поодаль от того места, где мы жили, метрах в трехстах, прямо на въездной дороге в станицу. Как форпост. А может, в древности так оно и было, и этот барак на самом деле являлся передовым постом на границе и служил для защиты станичной территории.

Теперь же в нем жила многодетная семья с забавной фамилией Денежные, состоявшая из трех поколений родителей. Старшее было представлено в основном бабушками. Дедушки, видимо, остались на полях сражений. У каждой семьи была своя часть дома. Посреди двора рос огромный ветвистый тутовник, закрывавший своей тенью от палящего солнца почти весь двор. Под ним стоял длинный дощатый стол, накрытый разноцветными клеенками, рядом – грубо сколоченные скамейки. Каждый день в полдень под тутовником собирались многочисленные обитатели барака, шумные и говорливые. Накрывался стол, вся семья усаживалась обедать, и я вместе с ними. Меня приводила туда моя сестра, но сама за стол не садилась. Очевидно, были какие-то договоренности, которые строго соблюдались. Только много позже я узнал, что отец передал определенную сумму, чтобы я не просто обедал у соседей, а видел, что такое большая семья и как живут простые люди, а не только дети начальников.

Детворы в соседских семьях было много, с ними я в основном и проводил время. Простые деревенские занятия захватили меня с головой, так что скучать было некогда. Рыбалка, кони, колхозный сад, сторож с дробовиком, заряженным солью. Кстати, соль не сегодняшняя, мелкая йодированная, а настоящая – каменная, дробленая. Я только теперь понимаю, почему ее называли «дробленая». Ключевое слово – «дробь».

Злата и Инга при этих словах прыснули от смеха, очевидно, представляя, как эта дробь кучно ложится на детскую пятую точку.

Дождавшись, когда смех утихнет, я добавил:

– Вот так был устроен процесс воспитания – просто и доходчиво, – и тоже рассмеялся. Вспомнил, как мне прилетело за компанию, когда мы тырили кислые и зеленые, но в нашем понимании вполне созревшие колхозные яблоки. Дня три не мог сидеть на одной половинке. Надо сказать, что в станице почти у каждого в саду росли точно такие яблони. Но детский азарт пересиливал здравый смысл, никакие разумные доводы тут не прокатывали.

Злата, извинившись, вновь обратилась ко мне с вопросом, похоже, не дающим ей покоя:

– Влад, это действительно очень интересно, но ужасно хочется узнать, что же все-таки с вами случилось? Ах, да, простите еще раз мою несдержанность.

– Да-да, я помню. Просто хотелось подробнее описать ту необычную обстановку, которая меня тогда окружала. Так вот, в небольшом хозяйском домике, где мы жили уже больше недели, находилась еще и прабабушка. На улицу она не выходила, в основном лежала на печи. Меня очень удивляло, что, даже когда печь топили, чтобы приготовить еду, в доме было прохладно. Наверное, из-за земляного пола. Потом, не могу вспомнить точно, как это произошло, прабабушка умерла. Помню хлопоты, гроб на табуретках с телом усопшей посередине комнаты. Да еще свои страхи, оттого что спишь в одной комнате с умершей. Жуть, конечно, других слов не подбираю.

На второй день попрощаться с усопшей приходило много народа. Видимо, в прошлом она была известным в станице человеком. Так вот, той же ночью я вдруг проснулся и услышал странный и тихий, напоминающий шелест листвы, голос, читающий молитву. Открыл глаза и увидел, что у гроба стоит прабабушка. Только она была как будто стеклянная, и через нее пробивался свет свечи, горевшей в ногах на столе рядом с гробом.

Я сел на кровати, так как спал с краю. Она стояла вполоборота ко мне, глядя на образа в закопченном от ладана углу, и шептала молитву. Минут пять я смотрел, ничего не понимая спросонья. Вижу, в гробу лежит прабабушка, и она же стоит у гроба, но какая-то полупрозрачная. Я протер глаза, еще немного подождал и, наконец, решился спросить:

– Вы кто?

Она повернула голову в мою сторону и замерла. Потом перекрестилась, осмотрелась и приложила палец к бледным губам, показывая, чтобы я молчал. В этот момент меня пронизал ужас и все тело охватила дрожь. Я не мог даже пошевелиться, тем более что-то сказать. Только открывал рот, но звуки тонули в ватной тишине.

Так и застыл в оцепенении, бледный и испуганный, а она продолжала читать молитву себе, усопшей. Потом еще раз удивленно посмотрела на меня, развернулась и вышла в закрытую дверь. Я не помню, сколько так просидел, но наутро, когда ее хоронили, у меня поднялась температура, начался сильный озноб. С тех самых пор, а мне шел тогда девятый год, я ужасно боюсь мертвецов.

Всю следующую неделю я спал у стенки, за спинами своих сестер, которым в то время было уже по шестнадцать. Ночное происшествие произвело на меня неизгладимое впечатление. Я до сих пор помню свою немоту и ужас, который меня сковал. Вот такая невыдуманная история. Повторюсь, хотите верьте, а хотите...

Я не успел закончить фразу, как Натали, многозначительно посмотрев на подруг, произнесла:

– Конечно, верим, и это без вариантов!

Глава четвертая

Позолоти ручку – дверь и откроется!

Наш поезд остановился на целых двадцать минут, и меня с Златой отправили за провизией и мороженым. Набрав полные руки того и другого, а также прихватив по пути горячих пирожков у местных продавцов на перроне, мы вернулись в купе.

Инга, искренне отдав должное моим талантам рассказчика, попросила вернуться к детским воспоминаниям. Она не сомневалась, что мне есть еще что рассказать. Признаюсь, это совпало с моим желанием, и тут, как говорится в известном романе Ильфа и Петрова, Остапа понесло. Женщины слушали внимательно. Особенно заинтересовала их история моего исцеления в трехлетнем возрасте, когда я после поездки в Днепропетровск начал говорить. Также спросили, встречался ли я когда-нибудь с цыганками. Мне показалось это странным. Причем тут цыганки и какая связь между ними и моим выздоровлением? Все это привело меня в замешательство, я никак не мог понять, чем вызван их интерес. И только после некоторого размышления вспомнил, с кем еду в одном купе. Видимо, мои непростые попутчицы определенно знали, что именно хотят от меня услышать...

Только гораздо позже я понял, что вопрос, касающийся моего выздоровления, был далеко не праздным. А пока постарался вспомнить все подробности той нашей с отцом поездки в Днепропетровск. В ней не было ничего особенного. Врачи меня осмотрели и не выявили ничего такого, что мешало бы мне говорить. Никаких нарушений речевого аппарата не обнаружилось, отклонений в психике тоже. И кто-то посоветовал провести таинство крещения. К слову, сделать это было не так-то просто. В те времена атеизм являлся главной политической религией. И мой отец, как и многие другие, не мог открыто прийти в храм, чтобы меня крестить. Да

и церковей рядом с тем местом, где мы жили, не было. Разве что в Пятигорске. Но там тоже появляться в храме было небезопасно, так как об этом могли узнать.

В Днепропетровске меня отвезли в район Кайдаки, бывшее предместье Екатеринослава, исторический казачий форпост, где находилась Свято-Николаевская церковь. По счастливой случайности она чудом уцелела во время революции и после закрытия в 1933 году вновь была открыта в шестидесятые. Я узнал об этом через много лет. Вероятно, в это время там был и настоятель, который мог совершить таинство крещения. Чтобы не предавать это дело огласке, батюшку пришлось пригласить в дом сестры отца. Обряд крещения провели в одной из комнат. По рассказам сестры отца, которая стала моей крестной мамой, во время ритуала я кричал, как... Не буду вдаваться в подробности, передавая ее слова.

После этого я проспал ровно сутки, не выходя из комнаты, пока в соседней отец с сестрой, товарищем и крестившим меня батюшкой отмечали это событие. А когда проснулся и вышел, то заговорил как ни в чем не бывало, словно это было для меня обычным делом. Важным нюансом этой истории является то, что долгое время мое крещение по политическим соображениям держали в тайне. Я узнал об этом важном факте из своей жизни и собственном выздоровлении только спустя сорок лет.

– Интересно и как вы об этом узнали? – прищурившись, посмотрела на меня Инга.

– Это же надо, столько лет все держалось в тайне! – всплеснула руками Злата.

– Вы какие-то неуместные вопросы задаете! – осадил подруг Натали. – Что, забыли, в какие времена мы жили? Однако интересно, как это все произошло?

– Как узнал? Случайно. Когда в начале девяностых вернулся в Москву с Севера. В те годы, как это обычно бывает в смутные времена, страну охватило повальное увлечение пророчествами ясновидящих и гадалок. Это было как всеобщий вирус на фоне разрухи, непонятного настоящего и страха за будущее.

Друзья затащили меня к одной невероятно популярной тогда в Москве ясновидящей. Взглянув на меня, она спросила:

– Вы что, дважды крещеный?

Я не сразу понял, а потом возразил, что нет, единожды, и произошло это не так давно, причем совершенно спонтанно. Я действительно крестился на Севере, когда мне исполнилось тридцать три года. Но это отдельная история. Гадалка же настойчиво повторила, что я крещен дважды. И все это время смотрела на меня и горящую на столе свечу. Я был так обескуражен, что остальное меня уже мало интересовало, поэтому все ее прогнозы на будущее были услышаны не мною, а теми, кто со мной там находился.

В тот же день я позвонил отцу и рассказал, что мне сообщила ясновидящая. Вот тогда отец, правда, без особых подробностей поведал историю моего крещения, подтвердив ее слова. Все стало на свои места. Потом, через несколько лет, это событие уже в деталях и красках описала моя крестная мама, когда я был у нее в гостях.

Позже по просьбе моих близких я еще пару раз встречался с той ясновидящей. В памяти осталось, что она смотрела на меня как-то странно, словно пытаясь разглядеть во мне что-то глубоко скрытое и загадочное. Назвала несколько важных моментов, которые она видит в моей жизни. Во-первых, что я дважды крещен и что в дальнейшем буду связан с церковью и помогать храму. Во-вторых, сказала, что меня ожидают испытания в семье, а позже я буду жить у воды. То ли у моря, то ли у озера. И добавила, что видит меня уже в преклонном возрасте в «качалке», так тогда называли первые спортзалы с тренажерами.

Закончив свой рассказ, я наконец решился спросить своих попутчиц, что же их во мне так заинтересовало. Мне казалось, что они так же, как и та ясновидящая, пытаются увидеть во мне и в моих историях что-то необычное и исключительное. Как будто хотят найти ответы на какие-то вопросы.

Натали молча кивнула, подтверждая мои догадки, и вслух добавила:

– Да, вы правы, Владислав, это действительно так, извините нас за настойчивость. Однако сейчас меня волнуют не только воспоминания из вашей жизни, но и то, как мы вообще здесь оказались все вместе и, главное, зачем? Я уверена, что это не случайно. Поверьте, мною движет не просто любопытство. Думаю, всему есть объяснение. Скажите, в последние дни перед отъездом с вами не происходило ничего необычного?

Я, конечно, вспомнил сначала тот звонок с работы, когда меня предупредили о необходимости срочного возвращения домой. Потом удачную покупку билета, который сдала странная женщина, причем с каким-то условием, но кассирша в местной железнодорожной кассе не успела мне о нем рассказать.

Натали уточнила, не попадалась ли мне в эти дни на глаза необычная дама, которая чем-то привлекла мое внимание.

Ах да, точно! В голове молнией мелькнуло воспоминание о том, как на пляже меня разбудила женщина с незаурядной внешностью, поразившей мое воображение. Я подробно описал, как выглядела незнакомка, и передал нашу с ней короткую беседу. Затем посмотрел на Натали и неожиданно для себя выпалил:

– А знаете, она очень похожа на вас! Только глаза у той женщины были бездонные и какие-то бесцветные, что ли.

– Так это же Эльза! – воскликнула Злата. – Она должна была к нам присоединиться и говорила, что ее место в нашем купе. Но почему она сдала билет, что случилось?

– Ты разве не поняла? Она увидела Влада, а потом услышала его разговор по телефону и сделала все, как нужно. Со слухом у нее, сами знаете, все хорошо, – многозначительно проговорила Натали.

– Вот вам и объяснение, очень неожиданное и интригующее, – заключила Инга.

– Ладно-ладно, у нас еще будет время и возможность получить этому подтверждение. А пока, Владислав, продолжайте, мы все внимание, – мило улыбнулась Злата и попросила Ингу достать какую-то книгу.

Не успел я открыть рот, как в купе постучали, сразу вслед за тем дверь резко отъехала в сторону. В проеме нарисовалась цыганка в классическом ярком наряде и, не давая нам опомниться, певучим голосом завела обычный в таких случаях разговор. Однако, взглянув сначала на меня, а затем на моих спутниц, в ту же секунду осеклась. В жгучих черных глазах мелькнуло удивление, сменившееся, как мне показалось, страхом. Женщина умолкла и буквально остолбенела. Повисла пауза. Опомившись, гадалка тут же извинилась и протараторила, что случайно ошиблась купе, но такое больше не повторится. А затем, странно кланяясь и бормоча что-то на своем, исчезла, оставив дверь открытой.

Мои спутницы загадочно переглянулись.

– Это что, знак? – в голосе Инги прозвучало непонятное мне беспокойство.

– Вероятнее всего, – в задумчивости ответила Натали.

– Да, вряд ли это можно назвать случайностью, я заметила ее пристальный взгляд на Влада. Такое ощущение, что она видит его не в первый раз, – согласилась Злата.

Я же в отличие от них ничего особенного не обнаружил и продолжал делиться воспоминаниями.

– Ну вот, теперь, возвращаясь к вашему вопросу о цыганках, точно могу сказать, что встречался, – пошутил я. – Мне кажется, нет ни одного человека, кто хотя бы раз в своей жизни не сталкивался с этими бойкими на язык особами. Сами знаете, от них практически невозможно отвязаться, так и норовят тебе погадать и при этом неплохо заработать на твоём страхе перед ними.

Память вернула меня в далекие годы прошлого века, когда я, шестнадцатилетний паренек, гулял с отцом в парке города Днепропетровска. Дело было ранней осенью. Мы приехали сюда на «Волге» ГАЗ-21, машине-легенде цвета морской волны с оленем на капоте, чтобы

купить свежие помидоры и огурцы нового урожая. В те далекие годы практически вся страна запасалась на зиму овощами, а консервирование было неотъемлемой частью хозяйских забот. После удачного воскресного базара отец решил показать мне свои любимые места в городе, где прошло его детство. Одно из них – легендарный Чкаловский парк.

Выходной день, народ неспешно прогуливался по аллеям, где-то в глубине парка играл духовой оркестр. Батя по случаю выходного дня налегал на пиво, а мне купил мороженое, которое я с наслаждением облизывал, не давая лакомству растаять.

Я старался рассказывать как можно более художественно, что, конечно же, не ускользнуло от внимания моих слушательниц:

– Интересный подход к изложению. Да вы романтик!

Я изобразил смущение, хотя в душе ждал именно такой оценки, и скромно улыбнулся. Артист, да и только! Но в сторону лирику, вернемся к повествованию.

– Так вот, непонятно откуда перед нами вдруг выросла колоритная фигура цыганки средних лет. Она с ходу предложила отцу погадать по руке и, не дожидаясь согласия, ухватила его за запястье. Да так крепко, что он не смог вырваться.

– Позолоти ручку, дорогой, все расскажу – что было, что будет, – скороговоркой тараторила она, не обращая внимания на его попытки освободиться, и неожиданно выпалила: – У тебя есть другая женщина, и там скоро появится твой второй сын, а потом и вторая дочь.

При этих словах отец опешил, лицо его окаменело. Он резко вырвал руку и проговорил почему-то шепотом, то и дело поглядывая на меня:

– Прекрати нести вздор!

Цыганка не унималась, продолжая в том же духе:

– Как только твой первый сын станет взрослым, ты бросишь прежнюю семью и создашь новую. Да ты и так уже живешь на две семьи...

Она говорила что-то еще, деталей я уже не помню. Забыв о мороженом, я стоял как громом пораженный, не замечая стекающих по рукам липких капель. Что значит «первый сын»?! О какой другой семье она говорит?! Все это было непонятно и очень неприятно, более того, вызывало во мне ощущение надвигающейся беды. Отец торопливо достал из кармана скомканные бумажки и сунул деньги цыганке в руку. Бросив беглый взгляд и, видимо, поняв, что сумма хорошая, та кивнула и в один миг исчезла в зарослях шпалерного кустарника.

Отец настороженно посмотрел на меня и сказал, чтобы я не верил словам цыганки. Весь этот бред она говорила лишь для того, чтобы получить деньги. Конечно, я уже не был маленьким ребенком, и услышанное меня шокировало. Хотя к тому времени по некоторым семейным сценам или обрывкам фраз я и сам о многом догадывался. Просто не задавал себе лишних вопросов и старался об этом не думать. Мне вспомнились ссоры мамы с отцом, такие драматические, что я долго не мог их забыть. А тут еще и цыганка...

Прошло немного времени, и этот случай стал забываться. Дома все вроде было как всегда, период серьезных ссор и скандалов прошел. Родители много работали, отец обычно возвращался поздно вечером. Я окончил школу, в институт не поступил и, немного поработав, пошел в армию. Несколько раз родители навещали меня в части, где я служил. Это было не так далеко, однако по тем временам и не слишком близко. Я тоже приезжал то в отпуск, то в командировку. Все шло как будто по-прежнему. Но когда я, отслужив, вернулся из армии, удивился, что отца несколько дней не было дома. И вообще, он появлялся довольно редко, а мама молчала, как будто так и нужно.

Началась студенческая пора. В конце июня я сдал в институте все экзамены и уехал со стройотрядом на целину. А по возвращении мама сообщила, что они с отцом решили развестись, так как у него другая семья и, пока я был в армии, там родился мальчик. Отец уже собрал свои вещи и переехал к ним. И тут я вспомнил о предсказании: это же я первый сын! Перед

глазами встала та цыганка: все, о чем она говорила шесть лет назад, свершилось... Через месяц родители развелись официально. Позже в другой семье отца родилась еще и дочь.

Последнюю фразу я произнес дрогнувшим голосом. Мои спутницы сочувственно переглянулись.

– Влад, это жизнь. В отношениях двух людей нет правых и виноватых, – попыталась утешить меня Натали. – Вы уже не мальчик, у вас семья, должны понимать, что по-всякому бывает. Все это остается в прошлом как назидание ныне живущим и как урок. Но то, что сказала цыганка, только подтверждает, что этот народ имеет свой портал в иной мир.

Я, если честно, не совсем понял смысл последнего, но задумался. Натали, продолжая разговор, поинтересовалась: это единственный эпизод, когда я общался с цыганкой, или было еще? Ведь, если это произошло со мной один раз, то обязательно должно повториться. Их любопытство заставило меня посмотреть на некоторые события в моем прошлом другими глазами. Теперь, по прошествии времени, многое виделось иначе и казалось вполне очевидным.

Я признался, что неожиданные встречи с цыганками случались еще дважды.

– Конечно, если не брать в расчет посещение цыганских ресторанов в компании друзей, – со смехом сказал я, и все тоже рассмеялись.

На самом деле вторая встреча была для меня очень непростой и в некотором роде даже судьбоносной, с элементами драматизма. Память вновь услужливо возвратила меня в те далекие годы, когда казалось, что все еще впереди. Когда ты полон сил и планов, которым, как теперь выяснилось, не суждено было сбыться.

– В моей жизни был период, когда я с семьей уехал на Крайний Север. Вот прямо как в песне поется: за туманом и за запахом тайги.

– Ну да, а вернее, за деньгами и за запахом тайги, – с иронией перебила меня Инга, изменив смысл известной строчки из песни, чем немного разрядила обстановку.

Натали, строго взглянув на нее, одернула: мол, как тебе не стыдно, ведь многие молодые люди тогда действительно ехали в тайгу прежде всего за романтикой. Это было правдой, но я не стал возражать Инге и кивнул, соглашаясь.

– Ладно, – сказал я с улыбкой, – все в порядке. И за деньгами, конечно, тоже, как же без них. Семью-то кормить надо.

Тогда мы на самом деле мечтали о новой для себя жизни. Сразу после института, променяв столичный комфорт на заснеженную тундру, полярную ночь и комариные тучи, я приехал на ударную комсомольскую стройку. На Север, где в суровых условиях проявляются многие человеческие качества. Именно здесь, как нигде в другом месте, определяется характер человека, его отношение к окружающему миру. А иначе там просто не выжить. Хотя сейчас бы нас, конечно, сочли безумцами.

– «Безумству храбрых поем мы песню!» Как все это знакомо! Ты думаешь, мы не знаем классику тех лет, – съехидничала Злата.

Моему удивлению не было границ, и она рассмеялась:

– Влад, вы не поверите, но в молодости я была секретарем комитета комсомола института. Замечательное было время – золотое, веселое! И, как мне кажется, правильное: стройотряды, костры и песни. Любовь, комсомол и весна!

Натали строго перебила:

– Злата, ну давай еще спой и спляши! Это, конечно, хорошо, но мы не тебя, а Влада просили рассказать свою историю.

Слова Златы и Натали вызвали у меня противоречивые чувства. На дворе начало нового тысячелетия. Злате на вид лет тридцать. Это что, она стала секретарем комсомольской организации института лет в пятнадцать, как раз когда все развалилось? А как насчет стройотрядов?! Наверное, придумала, чтобы поддержать меня. Странно, очень странно! Это меня насто-

рожило. Но игра начата, выбора нет. Наше купе скоро будет напоминать допросную в каком-то РУВД.

Но я не подал виду и, чтобы не утомлять слушателей, постарался сделать свое повествование как можно более коротким:

– На стройке мне нравилось. Сначала несколько лет работал в молодежных организациях на разных должностях, потом вторым секретарем городской комсомольской организации. Скажу без лишней скромности, неплохой карьерный рост при условии, что ты не полный идиот. Да и опыта не занимать!

– А когда уже будет цыганка?! – взмолилась Натали.

Я с серьезным видом предупредил, что эта история для меня достаточно драматична, на грани нервного срыва, поэтому попросил не перебивать.

– Пребывание на этом посту ограничено возрастом, и скоро мне предложили очень хорошую должность в ГУВД города, заместителем начальника милиции. Тогда как раз поступил указ сверху укрепить эту структуру молодыми кадрами. Прошел все согласования, но назначение откладывалось из-за одного обстоятельства. Моего друга, первого секретаря, неожиданно отправили в командировку с дипломатической миссией в страну, где в то время шла война. Никто не знал, как долго он там пробудет, сказали – на неопределенный период.

Мне пришлось исполнять одновременно свои и его обязанности. Прошел практически год. Если помните, в стране как раз наступил период, когда первые лица преклонного возраста уходили в вечность, сменяя друг друга. Вместе с тем менялись призывы и цели, так что в итоге друг вынужден был задержаться за границей надолго. В ГУВД нашего города потребовалось срочно решить кадровые вопросы, и меня отправили в краевой центр на утверждение в должности заместителя начальника милиции. Звание майора, ксива на руках, в ателье шьется мундир. Настроение боевое. Нужные документы уже подписаны, осталось только утверждение в политической структуре. Простая формальность, поскольку все давно согласовано.

Сижу, жду своей очереди. И тут мне сообщают, чтобы я возвращался домой, мой вопрос рассматриваться не будет. Это прозвучало как гром среди ясного неба... В голове полный хаос, в душе пустота, обида и боль. Описать мое состояние невозможно, казалось, весь мир рухнул в одночасье. По тем временам это был позор и унижение!

Должность замначальника милиции для многих была лакомым куском, и на нее утвердили человека в возрасте, лет пятидесяти, секретаря парткома заштатного треста. Позже я узнал, что член секретариата крайкома партии – родной брат этого назначенца. Вот так неожиданно все повернулось. Я остался практически безработным. Да еще и с позорным клеймом.

Рассказывая, я незаметно для себя начал переживать события тех лет так остро, как будто это было вчера. И в порыве чувств воскликнул, обращаясь к попутчицам как к давним подругам:

– Можете себе представить, что со мной творилось в то время!

В возникшей тишине Натали придвинулась ко мне ближе и мягко взяла за руку. Почувствовав ее тепло, я сразу успокоился.

– Наутро я пошел к самому главному в нашем регионе человеку. Ответы можно было получить только у него. Он принял меня без лишних вопросов, потому что и так все знал.

Секретарша принесла нам две чашки кофе с лимоном. Если он просил кофе, это означало серьезный разговор. И не факт, что для меня он не будет иметь последствий.

Я вопросительно посмотрел на своих спутниц: может, не нужны такие подробности?

Отпустив мою руку, Натали тихо произнесла:

– Нет-нет, Влад, продолжайте, это важно.

Посмотрела на меня и задумчиво улыбнулась.

После ее слов в купе вдруг явно почувствовался запах сладкого кофе с лимоном, такой аромат ни с чем не перепутаешь. Но я уже начал привыкать к их фокусам, или что там было на самом деле.

– Главный начал, как мне показалось, издалека. Уточнил, сколько мне лет, хотя, конечно, знал. Специально задал этот вопрос и сам же на него ответил: – Вот видишь, всего лишь двадцать восемь. А теперь представь, что тебе лет так под пятьдесят. И ты уже не один год сидишь в замах в небольшой конторе без всяких перспектив. Тоска зеленая. И тут ты узнаешь о новой престижной должности в городском управлении внутренних дел нашего региона, на которую претендует молодой двадцативосьмилетний кандидат. А в комиссии, которая решает эти вопросы, твой брат, и у него есть все рычаги, чтобы изменить ситуацию даже без формальных объяснений. Вот такая, Владислав, ситуация. Надеюсь, ты меня понимаешь.

В этот момент в кабинет к первому зашел руководитель спецслужбы. Взглянув на меня, попросил хозяина выйти с ним в комнату для отдыха и переговоров, которые в те времена были практически у всех начальников. Своего рода мини-кабинеты на случай разных экстренных ситуаций. Мне же предложили остаться и допивать свой кофе.

Дверь, случайно или нет, оказалась неплотно закрытой, и я, даже не напрягаясь, невольно слышал весь разговор. Впрочем, в некоторой части он касался как раз меня. Важный гость был возмущен тем, что с ними перестали согласовывать кадровые вопросы, а в некоторых случаях даже не считали нужным ставить в известность о принятых наверху решениях. У местных службистов такие кадровые решения, например, в отношении милиции вызвали явное недовольство. Несколько раз в разговоре прозвучало мое имя, а в конце я услышал фразу: «Отдай его мне!», которая явно была предназначена не для моих ушей.

Проводив гостя, первый вернулся, сел напротив и пристально посмотрел мне в глаза:

– Все эти годы я внимательно наблюдаю за тобой и знаю твой потенциал. Сам начинал с молодежи. И доверяю тебе. Поэтому прошу тебя никому не сообщать о нашем разговоре и о том, что ты мог слышать. Пока, до выборов, исполняй обязанности первого секретаря.

Чувствовалось, что он чего-то недоговаривает. Я очень уважал этого человека, но тогда еще не знал, что чуть позже он сыграет в моей судьбе ключевую роль. А через десять лет я сам помогу ему в трудное время.

Не прошло и недели, как сверху пришло указание срочно избрать первого секретаря молодежи, чьи обязанности я исполнял. К этому времени в связи со смертью очередного лидера в стране произошли политические перемены, и мой друг решил вообще не возвращаться в Северск. На первый взгляд обычное дело: партия сказала «надо» – молодежь ответила «есть». Но случилось то, что нарушило все правила и традиции. Наверху уже заранее решили, кого именно нужно избрать, без всякой альтернативы. Этим человеком оказался мой протеже, сменивший меня в кресле второго секретаря меньше месяца назад. Я познакомился с ним на руднике во время одной из своих служебных командировок, когда он еще был молодым специалистом. Парень как парень: активный, молодой, грамотный. Я сразу приметил его и пригласил на работу в нашу структуру, на должность заведующего отделом, которую он исполнял чуть больше года, пока не стал моим преемником.

Как правило, на пост первого секретаря всегда рекомендовали несколько человек с учетом мнения актива, но в этот раз ни у кого ничего не спрашивали. Я как исполняющий обязанности первого провожу пленум и выборы. Во всех бюллетенях одна кандидатура. Голосование тайное. В итоге оказалось, что единственный кандидат набрал пять процентов, а в бюллетени от руки вписана моя фамилия. И, конечно, результат – девяносто против пяти процентов! Случился довольно громкий конфуз, который умудрились повторить еще раз, но уже без моего участия. По тем временам это был реально политический протест. Молодые активисты прижали новоявленного «лидера», и он признался, что действовал не по своей воле, его уговорили и даже приказали.

– Ничего себе карьерный рост! Да еще и приказали! – энергично возмутилась Инга. – Руку даю на отсечение, что за этим стоял или большой папа, или дядя. Влад, вы что, не поинтересовались, кто его родственники?

– Нет, даже в мыслях не было. Только в последний момент узнал, что его продвигает большая шишка в крае. Я же за доверие и порядочность.

– На порядочных воду возят! Хотя в оригинале пословица звучит по-другому, но смысл тот же, – добавила Злата.

– И что же дальше? Как я понимаю, это еще не развязка? – подключилась Натали.

– Развязка произошла в Москве, причем не без мистики. Наверху быстро поняли, что давлением ничего не изменишь, и отправили меня в Москву, так как эта должность – номенклатура центра. Это их уровень. Обычно такая почти формальная процедура происходила после выборов. Но в этот раз решили сделать наоборот и заодно подстраховаться.

Выдали мне от края и города рекомендации. Четыре часа лету – и я у мамы. Вечер провел дома с одноклассниками за чашкой того, что покрепче. Утром, к двенадцати, мне надлежало явиться на Старую площадь, в главное здание молодежи страны. Это в десяти минутах ходу от Кремля.

Я приехал намного раньше, чтобы побродить по центру. Вспомнил, как, бывая с родителями в «Детском мире», с замиранием в душе ждал, а вдруг мне купят грузовичок на плоской батарее. Мечта всех пацанов того времени! Хотел посидеть в кафе-мороженом на Кузнецком мосту, но погода была дрянь – середина января, небольшой минус и слякоть. К тому же в этом месте всегда, сколько себя помню, дул сильный ветер. Вместо мороженого выпил в любимом кафе горячий индийский кофе. Время еще оставалось, и перед встречей я решил заглянуть в Политехнический музей – что там новенького.

У главного входа в Политехнический собралась небольшая группа для экскурсии. Три цыганки в ярких традиционных нарядах вывернули из-за угла дома напротив и, громко переговариваясь, направились к экскурсантам. Но одна вдруг остановилась и стала осматриваться, словно выискивая кого-то, взгляд ее упал на меня. Я машинально оглянулся – поблизости никого.

«Неужели по мою душу!» – подумал я.

Цыганка неторопливо двинулась в мою сторону, а у меня перед глазами встала та гадалка, что когда-то предсказала судьбу отцу в Днепропетровске. Первым моим желанием было уйти, но я вдруг понял, что не могу сдвинуться с места, словно какая-то сила удерживала меня. Оглянулся еще раз в поисках пути отступления: слева тянулась безлюдная улица, огражденная стенами фасадов прошлого века, справа – проезжая часть с интенсивным движением.

«Ну все, она идет ко мне!» – пульсировало в голове. Внутри что-то оборвалось, ноги стали ватными. Понимаю, что это дурацкие предрассудки, но стою как вкопанный, дожидаясь своей участи. Точно кролик перед голодным удавом. Меня вдруг охватил какой-то панический страх то ли страшной правды, то ли обмана. Но более всего пугала неизвестность.

Чем ближе она подходила, тем тревожнее становилось у меня на душе. Вот твердая рука цепко ухватила мое запястье. Пронзительный взгляд. Все, мне конец, попался! Сейчас начнет бормотать свои заклинания! Неожиданно для себя я вдруг услышал спокойный и уверенный голос:

– Хочешь узнать, милоч, что с тобой будет? Давай погадаю!

Я оцепенел, не в силах произнести ни слова. На меня пристально смотрела очень молодая цыганка. Взгляд пронзительный, сковывающий, но явно не ее – слишком много в нем было мудрости и проницательности, не по годам.

– Ты сегодня должен быть в казенном доме, где ожидаешь назначения на должность. Но тебя предали, и это сделал тот, кому ты доверял как себе и открыл дорогу.

– Что значит «предали», я не понимаю!

– Поймешь, когда тебе откажут в том, за чем ты приехал. Но знай, это высшие силы не позволяют тебе уйти от судьбы.

– Какой судьбы?! Я же занимаюсь как раз тем, для чего учился! Я не понимаю. Не понимаю, – твердил я, как попугай, одно и то же.

– Тебе месяц назад уже отказали в новой должности. Ты разве не понял, что это не твое будущее?! Теперь высшие силы повторяют тебе: не твое это, не твое! У тебя совсем другое предназначение.

В голове у меня все перемешалось, четко билась только одна мысль: что дальше? Мне показалось, она поняла мой немой вопрос.

– Ты скоро сам все поймешь. И увидишь, что те, кто помешал твоей карьере, потеряют практически все, на что рассчитывали. В скором времени они будут заискивать перед тобой. Ничего не бойся, все для тебя сложится хорошо.

На этой фразе она попросила позолотить ручку. Я сунул ей червонец, и она быстро исчезла в соседнем узком переулке, который я не заметил, когда искал путь к отступлению.

Свисток милиционера вывел меня из ступора. В голове – полная мешанина. Глянув на мое удостоверение, подошедший блюститель порядка утратил ко мне интерес. И я отправился в казенный дом за своей судьбой, уверенный, что цыганка все наврала.

Пришел в назначенное время, показал командировочное удостоверение. Мне предложили немного подождать. Не прошло и пяти минут, как в приемную вышел человек:

– Вы Владислав из Северска на утверждение?

– Да, это я, – и протянул ему документ.

– Вам необходимо вернуться домой. Рассмотрения вашего дела не будет. По возвращении вам все объяснят.

Он развернулся и ушел, не дав мне возможности задать хотя бы один вопрос.

Не помню, как спустился в метро и потом оказался дома. Мама, выслушав, спокойно сказала:

– Поверь, сынок, все, что становится для нас испытанием, делает нас сильнее и мудрее. А цыгане – народ древний и очень умный, с даром предвидения. Хотя, конечно, и у них тоже не все обладают таким даром, это удел избранных.

Потом мама призналась, что знала о предсказании цыганки в парке на Днепре.

Вечером следующего дня я уже был в Северске. Написал заявление об уходе, и, как ни странно, мне предложили сразу четыре очень хороших должности в хозяйственных структурах. Я посчитал, что на этом моя политическая карьера закончилась.

– Так я не поняла, причем здесь Москва? – спросила Инга.

– Все просто. Это был отвлекающий маневр, чтобы успокоить народ и свалить все на Москву. Где мы и где Москва!

– Нет, подождите, Влад. Ведь цыганка в самом конце сказала, что ваши конкуренты все потеряют, а вы окажетесь на коне.

Я развел руками, воспринимая дотошность моих необычных собеседниц как должное:

– Ирония судьбы, вот и все.

– Что значит «ирония судьбы»? – не удержалась Натали.

– Сейчас поймете. Должен сказать, что следующие три года показались мне ссылкой. Конечно, в душе оставалась обида, но я приобрел бесценный опыт. А вот тому, что произошло дальше, можно только удивляться, поскольку все было очень неожиданно. Помните старинную восточную поговорку «...к тому времени или падишах помрет, или ишак сдохнет», которая означает, что никогда не стоит переживать заранее: любая проблема со временем решится сама собой, надо только подождать. Судя по всему, это вечный процесс. Случилось то, чего никто не ожидал: мне предложили вернуться в политику, но уже на такую должность, что мои недоброжелатели оказались у меня в подчинении. И, не поверите, это сделал тот самый глав-

ный в регионе человек, с которым у нас состоялся когда-то откровенный разговор. В итоге мои недруги лишились своего будущего, оставшись на вторых и третьих ролях. Карьерный рост не оправдал ожиданий, кроме того, им приходилось постоянно изображать преданность мне. Врагу такого не пожелаешь. Да и после у них все шло наперекосяк.

Немного помолчав, я в задумчивости добавил, что, несмотря ни на что, вся эта история помогла мне обрести главное – внутреннюю свободу и независимость в выборе. За что и благодарен судьбе.

Вот вам и вторая в моей жизни встреча с цыганкой.

Натали молча достала графин с волшебным напитком и налила полный стакан.

– Выпейте, Влад, и успокойтесь. Вы рассказывали так эмоционально, что сразу видно – обида еще не прошла.

– Натали, вот как раз это не обида, а понимание того, что для одного карьера просто следующий этап развития, а для другого – желанный приз и удовлетворение своего тщеславия. Таким важно чувствовать себя главными, быть выше других и получать от этого личную выгоду.

– Я бы за это точно отомстила! – с горячностью воскликнула Инга.

– Нет, Инга, месть – нехорошее чувство, разрушительное. Наоборот, помня предсказание цыганки, я понимал, что свой выбор мы делаем сами. И ни разу не упрекнул их ни словом, ни взглядом.

А Злата, протяжно вздохнув, многозначительно проронила:

– Кино можно снимать! Про дружбу, веру в людей и предательство.

Все время, пока я рассказывал, Инга держала в руках старинную книгу в кожаном переплете, изредка перелистывая страницы и одновременно посматривая на меня. Я с любопытством спросил, что она читает? И услышал в ответ, что это издание не для чтения. Редкая древняя книга, которая умеет слушать и запоминать, а потом выдает глубокомысленные изречения, от которых дух захватывает. Но показать мне ее она не может. Взглянув на мое удивленное и немного обиженное лицо, Инга хитро прищурилась и расхохоталась. Конечно, это был розыгрыш! Ох, уж эти женщины! С ними всегда надо держать ухо востро. Невозможно понять, когда они говорят всерьез, а когда шутят.

– Ага, так я и поверил! – сказал я и тоже улыбнулся. И сделал вид, что мне все равно.

В разговор вмешалась Злата:

– Да-да, а сейчас эта волшебная книга транслирует ваш рассказ-исповедь какому-то писателю, драматургу-эзотерику или романисту как сюжет для будущего рассказа. Просто наша Инга для некоторых писателей как муза.

После этой фразы Злата хихикнула, но тут же осеклась и замолчала, увидев, что Натали смотрит на нее неодобрительным взглядом.

Чтобы сгладить неловкость, Инга предложила немного отвлечься и все же погадать мне на картах Таро. Посмотреть, что там на моем личном фронте в настоящем и будущем. Конечно, я не мог остаться равнодушным к такому предложению, учитывая, что мне было что скрывать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.